

Светлана НИКИТИНА

ОЧЕРКИ

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ДЕВОЧКИ ИЗ ТОМСКА...

Людмила Болеславовна Белова, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, тридцать лет проработала на факультете защиты растений. Десять лет в качестве декана и семнадцать – заведующей кафедрой фитопатологии. Удивительно чистой души человек. Никогда не пользовалась служебным положением себе во благо. Умная, спокойная благожелательная женщина, готовая выслушать и помочь словом, делом. Выпускники факультета с 1964 по 1994 годы без запинки называют её имя и непростое отчество, справляются о здоровье и обязательно приглашают разделить радость встречи, когда собираются очередной раз в Новосибирске...

Смотрю фотографии тридцатых годов ушедшего века. Людмила Болеславовна очень похожа на своих родителей. Маме, Людмиле Ивановне Кудрявцевой, и отцу, Болеславу Станиславовичу Дембскому, на фото чуть больше двадцати. Как нынешним студентам-старшекурсникам.

Полоса лишений для семьи Дембских началась задолго до объявления войны. В 1937 году отца, известного в Томске человека, работавшего главным бухгалтером мелькомбината, арестовали. В квартире устроили обыск. Восемилетняя Люсенька и её старшая сестра Ика хорошо запомнили последние слова отца, обращенные к маме: «не беспокойся, я через несколько дней вернусь...». Никаких известий от него не получили ни через несколько дней, ни через несколько месяцев. Шестидесять лет спустя из справки о реабилитации, подписанной Военным прокурором Сибирского военного округа, Людмила Болеславовна узнает, что после ареста её отец прожил всего девятнадцать дней. На основании

Постановления комиссии НКВД и прокурора СССР за причастность к контрреволюционной деятельности 4 декабря 1937 года он был репрессирован, а 23 декабря того же года расстрелян. В справке приговор зашифрован в трёх буквах – ВМН – высшая мера наказания. Болеславу Станиславовичу был 31 год.

После ареста отца семью Дембских сразу начали выселять из квартиры. Людмила Болеславовна помнит, что маму куда-то увезли, а вернулась она расстроенная. Квартира, которую предложили жене врага народа, была неухоженной, с толстым слоем льда на окнах. Людмила Ивановна не решилась везти детей в холодное жильё, и семья Дембских вернулась в родительский дом, где жила тётка с семьёй. Большой двухэтажный деревянный дом на улице Лермонтова, построенный дедом в конце XIX века для многочисленного семейства, стоит до сих пор, его называют домом наследников Кудрявцевых. Следом из Тайги приехала ещё одна тётка Таисья с сыновьями: у неё также был арестован муж и осуждён без права переписки. Высланный на Дальний Восток, в Находку, он, агроном по профессии, был определён директором хозяйства, где работали заключённые.

В годы войны в доме было оченьлюдно. Кроме Кудрявцевых здесь жили две семьи из десяти человек, эвакуированные из Белоруссии. Чуть позже к ним на жильё определили ещё семерых парней из Гомеля, работавших в Томске на заводе. Люся Дембская помнит, как молодые ребята готовили себе затируху: муку растирали с небольшим количеством воды и потом заваривали кипятком. В доме жила и знакомая Кудрявцевых, жена начальника Томского пароходства, арестованного, как и отец Люси, по 58 статье.

Жили голодно. Чтобы хоть как-то прокормиться, Людмила Ивановна вечером после работы шила на заказ, а девочки занимались починкой солдатского обмундирования: ставили заплатки на ватники, зашивали гимнастёрки. Одежда была с пятнами крови, очевидно, её снимали с раненых или убитых. Однажды маме за несколько сшитых платьев привезли целый мешок пшена. Тринадцатилетняя Люся каждый день варила пшённую кашу на воде в маленьком фронтovém котелке. Сейчас вспоминает, что после окончания войны она несколько лет не могла есть пшено. Как-то мама сумела достать на мелькомбинате смётки – мучную пыль с песком. После еды, приготовленной из сметок, у младшей дочери началась такая сильная рвота, что Людмила Ивановна больше не стала рисковать здоровьем детей.

В 1943 году после седьмого класса Люся поступила в индустриальный техникум ради стипендии, но занятия посещала нерегулярно: слабая от голода, она часто оставалась дома, дойти до техникума не было сил. В Томске во время войны ослабленным детям от поликлиники выдавали талоны на питание – один раз в день. Но матери Людмилы они не доставались: участковый врач заявляла, что она не может выдавать талоны детям врага народа.

Зарплату и стипендию Дембские, как и другие томичи, нередко отдавали в фонд Победы, выкупая государственные облигации займа и лотерейные билеты. Однажды на один из билетов, взятый за 25 рублей в техникуме, выпал счастливый выигрыш на сумму 25 тысяч. Людмила Болеславовна до сих пор помнит, что из этих денег мама купила им с сестрой белые шерстяные платки и два килограмма топленого сливочного масла по 800 рублей за каждый.

Мамин брат дядя Костя работал в Томске санитарным врачом. С продуктами в его семье было полегче. Приезжая к сёстрам, он всегда делился хлебом, к неудовольствию жены. А один раз принёс две бутылки спирта. Поздно вечером мама и тётя Таисья отправились менять их на хлеб. Человек, обещавший купить спирт, завёл их в пустую комнату общежития. Через несколько минут появился второй мужчина, заявил, что он комендант и сейчас их поведёт в милицию. Перепуганные женщины сбежали по дороге, оставшись без хлеба, без денег и без спирта.

В военные годы от голода страдали не только люди, но и животные. В семье Дембских была большая овчарка по кличке Леда, умная, гордая собака. Она ревностно охраняла детей и никогда не брала еду из чужих рук. В войну, когда люди жили впроголодь, собаке было совсем плохо. Она ходила поочерёдно к соседям Дембских, садилась напротив дверей и, молча, ждала,

когда кто-нибудь даст кусочек хлеба. Потом Леда потерялась. Вернулась через три месяца с истертой на шее шкуркой: наверное, кто-то держал овчарку на привязи. Через некоторое время она ушла из голодного дома и больше не вернулась.

Несмотря на все тяготы и лишения, наследники дома Кудрявцевых жили дружно, старались не падать духом. Тётя Таисья с мамой часто устраивали для детей маленькие праздники с играми и танцами. Очень любили советские фильмы. Кино «Свинарка и пастух» знали наизусть.

День окончания войны ничем особенным Людмиле Болеславовне не запомнился. В Томске в тот день выдалась хорошая, по-весеннему, погода.

Когда сёстры Люся и Ия поступали в 1946 году в Томский университет, им посоветовали переписать заявления и вместо фразы о том, что отца арестовали в 1937 году, написать просто: «Живём с мамой...».

Болеслав Станиславович Дембский был реабилитирован Определением военного трибунала СибВО в декабре 1957 года в связи с отсутствием состава преступления. Людмила Ивановна скончалась от туберкулёза в 1952 году в возрасте 47 лет. Людмила Болеславовна как оставшаяся в несовершеннолетнем возрасте без попечения отца, необоснованно репрессированного по политическим мотивам, признана подвергшейся политическим репрессиям и реабилитирована. Сегодня ей доплачивают к трудовой пенсии дополнительные средства в размере ... 130 рублей.

Покалеченные судьбы, распавшиеся семьи, дети, оставшиеся без отцов... Всё испытания, выпавшие на долю кудрявой светловолосой девочки из Томска, не сломили её, не ожесточили. Людмила Болеславовна по-прежнему старается не отстать от жизни, радуется встречам с хорошими людьми, никогда не жалуется. И только иногда по увлажнившимся глазам, задрожавшему подбородку и голосу можно заметить глубоко спрятанную в сердце печаль...

«ТЫ ШЛА, ЗАТАИВ СВОЁ ГОРЕ, СУРОВЫМ ПУТЁМ ТРУДОВЫМ...»

Надежда Николаевна Назарова... Общій трудовой стаж – 53 года, 46 из них – в НСХИ-НГАУ. С 1951 по 1998 годы она работала в качестве лаборанта на кафедре иностранных языков.

Приветливая, уважительная, трудолюбивая, обязательная и беспокойная.... Раньше мне чаще доводилось бывать у «иностранцев», так как кафедра входила в состав факультета защиты растений. В какое время ни загляну – Надежда Николаевна на посту. То трудится за печатной машинкой, то колдует

над расписанием. Всегда возле неё или студенты, или преподаватели... Объём работы, который она безупречно выполняла долгие годы, не соответствовал, на мой взгляд, ни её скромной должности, ни зарплате. Судя по альбому, подаренному Надежде Николаевне в юбилейный день, можно с уверенностью сказать, каким уважением и признательностью она пользовалась у сослуживцев...

Утро 22 июня 1941 года в Новосибирске выдалось тёплым и солнечным. Семья Николая Андреевича Назарова и его друзей отправились с детьми за город. Сели в трамвай и покатали в сторону завода им. Чкалова. Вагоны в то время ходили по одной линии. Поэтому практически на каждой остановке трамвай останавливался и ждал встречного на разъезде. Добравшись, наконец, до берёзового леса, выбрали зелёную полянку с небольшой речушкой поблизости. Дети затеяли игры, дружно барахтались в речке, штурмовали берёзы... После обеда погода стала портиться, солнце спряталось. Стали собираться домой. Трамвайные вагоны были переполнены. Двери не закрывались автоматически, как теперь, поэтому народ висел на подножках, держась за поручни.

В Новосибирске в их отсутствие прошла гроза. В квартире с западной стороны градом были выбиты оконные стёкла, и большой цветок, стоявший на подставке около окна, валялся на полу с расколотым горшком в луже дождевой воды. Во дворе дома Надя узнала, что началась война. Когда сообщила об этом отцу, он не удивился. Спокойно сказал: «Ну что ж, дочка, пойдём защищать Родину». Детям не верилось, что в их судьбе может что-то измениться, ведь они жили так далеко от границы...

До войны Николай Андреевич работал на обувной фабрике «Ударница», располагавшейся на улице Спартак в Центральном районе. Позднее фабрику расширили и, переименовав в кожаный завод им. Кирова, вынесли на улицу Сухарную в Завельцовский район. Отец прошёл путь от рабочего до начальника цеха, был кандидатом в члены ВКП (б). На общем заводском собрании он призвал рабочих идти добровольцами на фронт и сам записался одним из первых. Мать плакала, уговаривала не уходить так скоро... Отец отвечал, что не может поступить иначе. Надя отчётливо помнит последнее прощание с ним в аллее напротив Дома Красной Армии, ныне Дома офицеров... С дороги от отца получили несколько открыток, в которых он успокаивал маму, писал, что всё будет хорошо, о них позаботятся. Просил не отрывать от школы старших дочек и самой пойти работать на фабрику. Образования и специальности у мамы, деревенской женщины, не было,

поэтому она устроилась на работу прачкой в госпиталь.

В последней открытке отец сообщил, что доехали до фронта и завтра идут в бой. После этого долго не было никаких известий. Мама послала запрос в Москву и ей ответили, что отец пропал без вести. Позднее в адрес гражданки Назаровой Пелагеи Фёдоровны пришло извещение о том, что командир отделения 1026 стрелкового полка Назаров Николай Андреевич, уроженец Горьковской области 1903 года рождения, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 13 сентября 1941 года в деревне Казаново Орловской области...

Назаровы переехали в Новосибирск в 1930 году. Несколько раз кочевали из одного барака в другой. В одном из них не было даже крыши. Дождь с потолка лил в комнату, кусками отваливались штукатурка... Дети болели. Трёх Николай Андреевич с женой похоронили в возрасте до двух лет... Последняя квартира, вернее, две комнаты с общей кухней в неблагоустроенной коммуналке, были выделены отцу за хорошую работу. Цех, возглавляемый им, по итогам стахановского движения постоянно удерживал переходящее Красное знамя.

Жили Назаровы бедно. Надежда Николаевна вспоминает, что в Новосибирске до войны выстраивались длинные очереди за хлебом. Мама приводила детей к магазину вечером, занимали очередь, которую отмечали каждому на руке химическим карандашом. Потом шли спать, а ночью возвращались, чтобы переписать заново. На человека выдавали по два килограмма серого хлеба. Случалось, что хлеб заканчивался раньше, чем подходила очередь, оставались только пряники, которые для семьи Николая Андреевича были роскошью. Если мать изредка и покупала сладкую выпечку, то больше чем по одному прянику никто из детей не получал.

Уходя добровольцем на фронт, Николай Андреевич оставил дома четверых детей. Кроме Нади в семье была старшая сестра Клава, она серьёзно болела, и работать не могла. Брату Володе исполнилось шесть лет, а младшей Гале – два. Без отца прокормить такую семью было непросто, поэтому Надя из восьмого класса, на втором году войны, пошла работать на военный завод, эвакуированный из-под подмосковного города Красногорска. Цех оптики находился в помещении НИИЖТа на площади Калинина. Когда школьников агитировали на заводы заменить отцов и братьев, ушедших на фронт, обещали четырёхчасовой рабочий день и возможность продолжить учёбу. Но им выпало трудиться наравне со взрослыми по двенадцать часов в сутки, без выходных и отпускных. Были только пересмены из днев-

ной в ночную и наоборот, когда приходилось стоять у станков по восемнадцать часов. График менялся каждые две недели. Иногда рабочие не выходили из цеха по несколько суток, а станки не выключались даже в обеденный перерыв. Продукцию передавали буквально из рук в руки – с одной операции на другую. Надя занималась промежуточным контролем изготавливаемых для военных нужд оптических изделий. Никто не жаловался, не прогуливал, не плакал. Знали, что всё нужно для фронта. Особенно тяжело было подросткам, которые стояли у станков, предназначенных для взрослых. Чтобы удерживать обрабатываемую деталь в нужном положении, приходилось упираться в неё грудью. Худенькие тела тряслись при этом, как в лихорадке, пот лил градом. В коротких перерывах мальчишки курили, чтобы унять голод. Работающих кормили один раз в смену, но пустых щей из мороженой капусты надолго не хватало. Надежда Николаевна вспоминает, что от непосильного труда и скудного питания шестнадцатилетние ребята были похожи на детей. Никто из знакомых сверстников, трудившихся с нею в пятом цехе, не дожил до пятидесяти...

Работа в прачечной была очень тяжёлой. Приходилось стоять по щиколотку в воде, на сквозняках. Надина мама застудилась, долго болела. В июле 1943 года Пелагеи Фёдоровны не стало. После похоронки на отца и смерти мамы жить не хотелось. Спасла Надю только необходимость заботы о младших... В районной газете тех лет писали, что несмотря на все трудности, Назаровы сумели сохранить семью... Надежда Николаевна подарила мне сборник стихов замечательного сибирского поэта Александра Кухно, с которым училась после окончания войны в педучилище. Сейчас я понимаю, почему одно из стихотворений, «Рукавички», ей особенно дорого.

...За тобой плетутся по привычке,
За подол ручонками лова,
Маленькие, словно рукавички,
С белыми чубами сыновья...
Ластятся к рукам твоим усталым.
Ни за что малюткам не понять,
Что устала ты... Им горя мало!..
Прсят, чтобы ты их одевала,
Чтобы вышла с ними погулять...

Оставшись в семье практически за старшую, Надя заменила детям родителей... С болью вспоминая военные годы, Надежда Николаевна говорит, что ей постоянно тогда хотелось есть и спать. Работая на заводе в ночную смену, она не могла поспать днём из-за домашних забот. Уголь приходилось возить на санках с Алтайки (станция «Новосибирск-Южный»), а дом, где жили Назаровы, находился недалеко от Центрального рынка. Как-то, не удержав мешок с углём на узкой тропинке, Надя свалилась вместе

с ним на берег речки Каменки (рядом с нынешним «Синаром») и оказалась на крыше чужого жилья... Уголь продавали мелкий, как песок, он легко просыпался в поддувало, из-за недостатка дров с трудом разгорался. В комнатах стоял постоянный холод, к утру в вёдрах замерзала вода. Спать приходилось в пальто, в обуви, по двое на кровати. Надежда Николаевна вспоминает, что на заводе ей и другой работнице выписали как-то берёзу, одну на двоих. Транспорта не было, и они тащили её волоком, привязав к санкам, от городского аэропорта по Красному проспекту до самого дома. Однажды тарные ящики привезли с папиной работы. Когда печь топить было совсем нечем, Назаровы шли к одной из маминых сестёр, мужа которых тоже были на фронте. Многие из новосибирцев в те годы ломали на дрова городские заборы, палисадники... Дети Николая Андреевича никогда себе этого не позволяли... Однажды, вернувшись с ночной смены, Надя обнаружила следы пожара. Старшей сестры дома не было. Соседи объяснили испуганной девушке, что вместо керосина им на базаре продали бензин. Клава, зажигая фитиль в темноте, плеснула горячее мимо, и пламя опалило ей грудь, голове... Долго лежала в больнице с ожогами, кожа с её рук буквально сползла мешком...

Как-то Надежде одной пришлось возвращаться с завода поздней ночью. Она шла пешком по Красному проспекту. Как вдруг из темноты вынырнули двое. Один схватил Надю за руки. К счастью, на проспект из-за поворота вывернула машина. Второй, видно испугавшись, крикнул напарнику, чтобы тот отпустил девочку. Но чужие руки держали крепко. Когда из темноты раздалось повторное: «Я сказал, отпусти её!», Надя освободилась и, не чувствуя ног, побежала домой. Изо всех сил стала тарабанить в дверь... Упав на кровать, долго рыдала, и старшая сестра ничего не могла от неё добиться... В те годы по Новосибирску ходило много слухов о бандах «Красный петух» и «Чёрная кошка».

После смерти мамы дети Назаровых за мешок мороженой картошки и пару детских туфель переселились в комнаты меньшей площади. Новая соседка вскоре стала уговаривать Надю поменяться комнатами, пугала, что их обязательно переселят в худшие условия, так как старшая сестра Клава скоро всё равно умрёт. Надя плакала, упиралась. «Но всё обошлось, грустно улыбается Надежда Николаевна. – Соседке как члену партии выделили третью комнату, и она оставила нас в покое». Однажды воры выкопали у них большую часть урожая картофеля. А как трудно было Наде его посадить и обработать! Картошка в те годы была главным продуктом после хлеба. Как-

то летом на полосе сирот сделали дорогу: лень было кому-то объехать картофельное поле. Другой год выкопанный урожай не довели до дома, а Наде объяснили, что их мешки лежали сверху и слетели на повороте с открытой платформы поезда.

«И всё же добрых людей больше, – подытоживает Надежда Николаевна. – Четырехлетнюю Галю после пожара забрали к себе родственники, у которых тоже была нужда, как у всех. Когда мы теряли хлебные карточки, или их у нас воровали, добрые люди делились с нами своими крохами-граммами, чтобы мы не умерли с голоду. Как-то к нам пришла пожилая женщина, Мария Ильинична, из райсобеса, угостила нас большими кусками колотого сахара. Сколько было радости! Потом принесла Володе-первокласснику рукавички. А брат с серьезным видом заявил, что рукавицы ему не нужны, потому что его руки из папиной фуфайки не высовываются...».

Надежда Николаевна рассказала мне историю о том, как семилетний Вовка в компании с дворовыми ребятами в те годы ездил... в Ташкент за яблоками. Кто из друзей был зачинщиком поездки, неизвестно, скорее всего, старший, девятилетний. Одна из мам, обнаружив исчезновение сына, пришла к Назаровым, и, не найдя ребят, побежала в семьи других мальчишек. Тех тоже не было дома... Надя, вернувшись с работы, застала сестру в слезах. Долгие поиски по соседним дворам ни к чему не привели: Вовка с друзьями как в воду канул. Расстроенным мамам подсказали, что следует обратиться в милицию. Через несколько дней беглецы были доставлены домой. Вовка в ответ на вопросы сестёр заплакал. Впрочем, его, видя какой он грязный, жалкий, не очень расспрашивали. Позднее узнали, что мальчишки пришли на вокзал, отыскивали поезд и вагон со свободным входом. Скорее всего, это был пустой товарняк. Забрались внутрь. Поезд тронулся. Утром, проснувшись, выглянули на улицу: Ташкента с яблоками не было. Поехали дальше. На одной из станций поезд стоял очень долго, и мальчишки, выбравшись из товарняка, бродили по перрону грязные, голодные. Своим видом привлекли внимание солдат из стоящего поезда. Те завели мальчишек к себе в вагон, накормили кашей, дали чаю с сахаром. Узнали, куда они едут и зачем. Поезд был военный и шёл на запад, а не в Ташкент. На ближайшей станции «любителей фруктов» передали дежурному по вокзалу. Осталось загадкой: откуда дети узнали о Ташкенте, о яблоках, растущих на улицах, и о том, что любому прохожему можно их рвать? Надя с Клавой были уже взрослыми, но никогда яблок не видели. На рынке иногда продавали сухофрукты, но купить их было не на что. Да никто из них и не думал про яблоки в те голодные годы...

Накануне 9 мая Надя работала в ночную смену. Все с нетерпением ждали сообщения по радио, поочередно бегали к репродуктору в кабинет начальника участка. Утром, наконец, услышали голос Левитана, объявившего о долгожданной победе. Что тут было! Станки выключили, целовались, обнимались, смеялись и плакали... Многие потеряли своих близких в эту страшную войну, потому были и радость, и слёзы. Начальник участка поздравил всех с Победой. Все работники особого №69 оптико-механического завода им. Ленина высыпали на солнечную улицу и, построившись в шумную колонну, направились от площади Калинина по Красному проспекту к облсполкому. Там состоялся праздничный митинг...

В июле 1946 года Надежде Николаевне Назаровой Указом Президиума Верховного Совета СССР была вручена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Для награждённых организовали поездку на большом пароходе по Оби. Украшенное сосновыми ветками судно встало на якорь у Кудряшовского бора. На поляне в лесу состоялось торжественное вручение наград, а потом до самого вечера над Обской водой звучала музыка духового оркестра...

Из родственников Надежды Николаевны на фронтах Великой Отечественной войны воевали десять человек. Шестеро погибли в боях, их имена занесены в «Книгу памяти», одному из них посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Четверо умерли после окончания военных действий... Слушая историю жизни семьи Назаровых, я поймала себя на мысли, что не могу оценить и почувствовать все тяготы военных лет, потому, что родилась и живу в мирное время. Хлебные карточки с нормой выдачи 700 граммов на работающего и 200 на иждивенца, завшивленность детских голов из-за нехватки мыла, керосиновые копилки вместо электрического света... И, главное, роль многодетной мамы в семнадцать лет. Не каждый способен поднять такую ношу!

Да разве об этом расскажешь –
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..

Низкий поклон Вам, Надежда Николаевна, за урок безмерной любви, трудолюбия и терпения...

«ДЕТИ, НЕ ХОДИТЕ В УНИВЕРСИТЕТ, НЕ ГУБИТЕ СВОЮ ЮНОСТЬ!!!»

Елена Юрьевна окончила самое престижное учебное заведение – Новосибирский государственный университет. Выпускников НГУ с удовольствием берут на работу серьезные отечественные и зарубежные

научно-исследовательские центры и компании с мировой известностью.

– Елена Юрьевна, насколько сложно выдержать конкурсный отбор и учиться в НГУ?

– Поступить достаточно трудно, а удержаться на первом курсе ещё проблематичнее. И дело не только в высоком конкурсе (в год поступления он составлял семь человек на место), а в уровне требований. На факультет естественных наук, который я закончила, надо было очень хорошо сдать письменно и устно математику, физику и, разумеется, написать грамотное во всех отношениях сочинение.

– Вступительные экзамены как в техническом вузе! А химия с биологией?

– Факультет естественных наук создавался изначально под лозунгом: «Биология должна развиваться под эгидой физики и математики». Отсюда и вытекали соответствующие требования к абитуриентам и студентам. На первом курсе, например, у нас было всего три дисциплины биологического профиля: общая биология, зоология беспозвоночных и ботаника низших растений. Остальное учебное время мы тратили на освоение высшей алгебры, матанализа, квантовой физики...

– Как сдали первую сессию?

– После первого семестра отсеяв в нашей группе составил 40 процентов. Из 35 зачисленных (с учётом кандидатов, взятых условно) осталось около 20 человек. Нагрузка, особенно в первом семестре, была кошмарной. Каждый день у нас было по шесть звонковых пар. Сдача коллоквиумов, предварительных тем и зачётов в эту нагрузку не входила. Я приезжала в университет – к девяти часам утра, а домой возвращалась, как правило, в десять вечера на последнем автобусе 41-го маршрута.

– Чем занимались в свободное от учёбы время?

– «Свободное» время мы проводили в читальных залах университетской библиотеки и ГПНТБ. Однажды после очередного коллоквиума совершенно измотанные, мы с подружкой Маринкой невесело размышляли: «На что мы тратим лучшие годы жизни?». У нас появилась даже идея пойти к абитуриентам во время сдачи вступительных экзаменов с плакатом: «Дети, не ходите в университет, не губите свою юность!!!». Нам было тогда по восемнадцать лет...

– Не пробовали пожаловаться преподавателям, чтобы они отменили уроки на дом?

– В роли педагогов у нас были в основном сотрудники из НИИ. Поэтому их реакция на жалобы о перегрузке бедных студентов была своеобразной. Вместо пяти домашних задач, например, нам милостиво разрешили сделать только три.

– Какие взаимоотношения складывались у студентов с деканатом?

– Со стороны факультетской администрации мы чувствовали настоящий прессинг. Если кто-то из студентов получал двойку за контрольную, его тут же вызывали в деканат. Диалог, вернее монолог, был примерно следующего содержания: «Вам, наверное, достаточно сложно учиться в университете. Может быть, стоит пойти в другой вуз...». Многие из первокурсников не выдерживали психологической атаки и подавали заявление об уходе. Мне до сих пор жаль двух девочек из нашей группы, которые ушли из НГУ подобным образом. Одна из них была в школе победительницей всесоюзной олимпиады по химии, но у неё не очень хорошо шли дела по высшей математике.

– На старших курсах было легче?

– Для тех, кто поступил в университет после обычной средней школы, да. Получив «математический шок» на первом курсе, мы, чтобы выжить, научились осваивать большие объёмы материала за короткое время. Ребятам, которые поступили на ФЕН после физматшколы (ФМШ), на первом курсе учиться было легко, так как многое из университетской программы по математике им оказалось уже известным. Они ходили, поплёвывали, а мы потели. Расслабившись на первом курсе, воспитанники ФМШ долго не могли набрать нужного темпа на старших курсах.

– Елена Юрьевна, вспомните что-нибудь характерное для того периода, конца 70-х – начала 80-х годов.

– Пожалуйста. Сдача политического зачёта, которая проходила у нас каждый семестр. Принимала его комиссия из представителей партии, комсомола и профкома. Спрашивали, например: «Есть инфляция в стране? Почему у нас наркотики распространены меньше, чем за рубежом?». Вопросы каверзные, но мы не боялись отвечать на них, насколько я помню. В период застоя в студенческой среде были в ходу политические анекдоты. Помню, мы сидели с приятелем на последней парте и весьма оживлённо обменивались свежими анекдотами во время чтения лекции по истории КПСС. Профессор Демидов, очень симпатичный мужчина, прервал лекцию и заявил: «Моё терпение лопнуло! Скажите-ка, юная особа, – обратился он ко мне, – чем отличается диктатура пролетариата от диктатуры капитализма?». Я не растерялась и очень чётко изложила отличия (спасибо школьному учителю истории). Удовлетворённый ответом профессор разрешил: «Смейтесь дальше!».

– Елена Юрьевна, знаю, что Вы хорошо владеете английским и часто выступали в роли переводчика во время международных тематических совещаний при СО РАСХН. Вы учились в специализированной школе?

– К сожалению, нет. Английский язык в школе у нас преподавал учитель военного дела. Неудивительно, что грамматику я знала очень плохо. В НГУ мне пришлось здорово потрудиться, чтобы достичь каких-то результатов. Преподавательница английского языка была весьма требовательной.

В студенческом альбоме, который Елена Юрьевна предоставила для просмотра, мне попала на глаза фотография педагога по английскому, молодой симпатичной женщины на фоне классной доски. Под снимком была сделана подпись: «Как хочется Вам посвятить венок самых нежных сонетов... Лет десять английский учить потребуется для этого!». Моя собеседница смеётся: «Слово «десять» можно спокойно заменить на «двадцать»!». Среди многочисленных фотографий студенческой жизни знакомые сюжеты: субботники, научные конференции, летние практики на Алтае, на Карасукских озёрах, дружеские посиделки с гитарой в общежитии, спецподготовка... Пожалуй, самым неожиданным фактом для меня было наличие в студенческой фотолетописи коллекции дружеских шаржей к 23 февраля. Она была посвящена ребятам-однокурсникам.

– Елена Юрьевна, как у студентов НГУ с юмором?

– Замечательно! Ни студенты, ни преподаватели на отсутствие юмора пожаловаться не могут. Например: 1 апреля на двери деканата появляется объявление: «Студенты первого курса, выезжающие на летнюю практику на Алтай, срочно сдайте преподавателю по одному рублю на энтомологические булавки». Весь поток первокурсников, прочитав объявление, в перерывах между лекциями объявляет ноги в поисках педагога, чтобы сдать заветный рубль. Второй пример. Комендант студенческого общежития Мария Кузьминична, отличавшаяся весьма суровым характером, вывешивает объявление об очередном собрании жильцов. Через полчаса под официальным текстом появляется свежая строка: «Весь вечер на манеже знаменитая Мария Кузе!». Однажды мы были свидетелями оригинального приказа, изданного деканатом факультета.

– По какому поводу?

– После занятий в лабораторию пришла уборщица мыть пол. Студент N, не успев закончить работу, оставался в классе последним, и ему поневоле пришлось выслушивать в свой адрес упрёки в связи с антисанитарным состоянием помещения. Устав от обвинительного монолога, студент решил прервать его словами: «Прекратите, пожалуйста, ваши злобные инсинуации!». Оскорблённая до глубины души техничка сочла незнакомое слово особенно бранным и написала в деканат заявление с просьбой наказать студента. Деканат не мог не

отреагировать на жалобу. На следующий день на доске появился приказ о выговоре студенту N с мотивировкой: «За интеллектуальное третирирование обслуживающего персонала». Не менее курьёзный случай произошёл, когда наша группа пришла на практику по селекции свиней. Профессор по цитогенетике, толстый и важный, обвёл нас взглядом и сказал следующее: «Я бы мог поручить практику моему ассистенту, но поскольку вы со свиньями, скорее всего, больше не встретитесь, я решил провести его сам».

– Елена Юрьевна, на летних практиках было что-нибудь запоминающееся?

– После первого курса у нас была практика на Карасукских озёрах. Ежедневно из числа студентов двое назначались дежурными по кухне. В их обязанности входило приготовление пищи на всю команду (около 50 студентов плюс десять преподавателей) и мытьё посуды. На третий день после приезда дежурными оказались мы с Маринкой. Нужно заметить, что мы обе готовить совершенно не умели. Приходим утром на кухню, спрашиваем: чего делать? Нам говорят, что есть творог, джем и надо всё это разложить по тарелкам и заварить чай. С чаем мы справились. Не успели помыть грязную посуду – обед на носу. Спрашиваем, что делать на обед? Нам посоветовали сварить суп из тушёнки и картошку приготовить на второе. Сели мы с Маринкой друг против друга, и такой ужас на нас напал! Паника полнейшая! Что в этот суп класть и в каком порядке, совершенно не представляем. Через два часа в столовую ворвётся голодная толпа, и нам – конец! Сидим в совершенной прострации, в голове картины мелькают одна страшней другой... Вдруг слышим, на территорию лагеря заезжает грузовая машина, а с ней – опоздавшая на практику студентка Оля с ребёнком. Забегает она к нам на кухню и просит чего-нибудь поесть. Мы с Маринкой сразу поняли, что это ангел с неба слетел. Наша спасительница быстренько ввела нас в курс технологической цепочки и помогла приготовить и первое, и второе, и третье. После обеда, который всем понравился, нас благодарят, а мы с Маринкой только об одном думаем: «Как бы нам второго дежурства избежать!». На ужин Оля предложила испечь блины. Быстренько приготовила тесто и встала к плите. Мы только успевали готовые изделия маслом мазать. Около двух сотен разложили по тарелкам, по три блина на нос. Этот экзамен на знание поварского искусства мы с подружкой на всю жизнь запомнили. Когда в университете у Оли возникали в учёбе заминки, мы всегда ей помогали, свято помня о том, что она спасла нас от неминуемого позора.

– Проблемы случались только на летних практиках или во время учёбы тоже?

– Разумеется, как без них! Мы изучали рефлексы животных на лягушках. Перед постановкой опытов живых лягушек сначала надо было забить. У нас с Маринкой никогда не хватало духу лишить лягушку жизни, и мы по ползаньям ходили за преподавательницей и просили её сделать это за нас. Она отмахивалась: «Нашли душегуба, сами справляйтесь!». Надо ли говорить, что практические работы мы делать толком не успевали, теряя время на поиски палача... Однажды мы с подругой опоздали на занятие. Смотрим, в банке осталась единственная особь, но какая она была огромная! Настоящий слон лягушачий! Преподавательница, посмотрев на наши круглые от ужаса глаза, сжалилась над нами и сама забила лягушку. Мы привязали к ножкам жертвы самописцы и начали работать. Лягушка оказалась такой живучей, что нам удалось сделать опыты за весь семестр! В итоге получились самые лучшие графики, в самом идеальном виде! Кстати, после этого практикума мы научились готовить лягушачьи лапки. В 1993 году, когда я была на Международном конгрессе по фитопатологии в Канаде, нам в ресторане принесли блюдо. На вопрос, из чего оно приготовлено, ответили, что русским лучше этого не знать. Повара были весьма удивлены, что я не только узнала, чьё это мясо, но и с аппетитом его ела. На вкус жареные лягушачьи лапки напоминают нежную курятину.

В университете у нас были очень интересные практики по эволюции, по

физиологии, по электронной микроскопии... Однажды мы с Маринкой выполняли практическую работу по физиологии в комнате, находившейся напротив деканата. Ставили лабораторным мышам адреналиновые уколы и смотрели за их поведением в вольере. Наблюдения проводили индивидуально за каждой мышью в течение 10 минут. Я делала необходимые записи в тетрадь, а Маринка брала отработавшую опытную модель и уносила в лаборантскую, которая находилась по коридору чуть дальше, чем деканат. Когда она уносила на место пятую мышью, в комнату заглянула преподавательница и стала упрекать нас в негуманности. Мы в два голоса убеждали её, что мыши не испытывают стресса и чувствуют себя прекрасно. Преподавательница в ответ: «Я говорю о стрессе не у мышей, а у тех, кто по коридору ходит! Вы о них подумали?».

– Елена Юрьевна, как студенты университета встречали Новый год?

– Весело. У нас была прекрасная компания.

– Какой из праздников запомнился особенно хорошо?

– Самое сильное впечатление связано с первым курсом. С 1 января у нас по графику начиналась сессия, а 31 декабря мы сдавали последний зачёт. Преподавательница по матанализу была женщиной одинокой, поэтому принимала зачёт с чувством, с толком. С расстановкой... Последние студенты покинули аудиторию за два часа до боя курантов.